

В общении с Цзян Цзи у Лу Синъяня была одна особенность: он всегда был уверен — Цзян Цзи игнорирует его намеренно. На самом же деле Цзян Цзи в тот момент просто болтал по телефону — слушал, как его партнер по экспорту-импорту с надрывом кроет матом Трампа. В итоге Лу Синъянь, влетевший в дом с важным видом, остался незамеченным.

Договорив, Цзян Цзи лениво скользнул взглядом по Лу Синъяню:

— Говори, что хотел.

Но Лу Синъянь и не думал сразу выкладывать карты:

— Ты чего дома? Ты ж обычно на работе с утра до ночи пропадаешь.

— Угу. — Цзян Цзи отмахнулся так небрежно, будто для приличия поддакивает, лишь бы отвязался.

Лу Синъянь терпеть не мог этот тон — холодный и ленивый, как будто он тут лишний. Обычно бы он уже развернулся и хлопнул дверью, но сегодня — не тот день. Великий план требовал жертв и железных нервов.

— Ты ел? — Лу Синъянь решил зайти издаleка, будто между прочим.

Цзян Цзи посмотрел на него как на идиота:

— Сейчас три часа дня. Ты про обед или ужин?

Лу Синъянь чуть не сбился с мысли:

— Я не ел. Может, вместе? Ну... обед.

— Поешь сам. — Цзян Цзи сразу понял, что серьёзного разговора тут не намечается. Бросил взгляд на телефон и коротко отрезал: — У меня встреча. Я пошёл.

Ну да, конечно. Вечно занятой, весь из себя важный.

Лу Синъянь вскипел внутри, но виду не подал. Отступать сейчас было нельзя. Он шагнул вперёд и загородил проход:

— Никуда ты не пойдёшь. Я слышал твой ночной разговор.

— Что?

— Вчера ночью. Ты звонил. Я всё слышал.

Цзян Цзи замолчал.

Лу Синъянь нарочно замедлил речь — пусть всё вспомнит, особенно то самое «я гей». Одновременно он картинно поднял руку и облокотился на стену у входа, изображая хозяина положения и стараясь задавить обстановку своей важностью.

Жаль только, что Цзян Цзи хоть бы бровью повёл. Наоборот — вдруг даже усмехнулся:

— А, подслушал, значит?

Вот уж диковина! Этот человек, оказывается, ещё и улыбаться умеет? Лу Синъянь аж завис — он был уверен, что у того от рождения одно выражение: вечная ледяная маска.

— Чего ржёшь? — Лу Синъянь востропел. — Я правда слышал! Ты сказал, что тебе парни нравятся.

— Ну и что? — Цзян Цзи моментально стёр улыбку и шагнул ближе.

Лу Синъянь дёрнулся, рука, упёртая в стену, чуть дрогнула, но он тут же её зафиксировал обратно — мол, всё под контролем:

— Ты чего?

— Это я должен спросить: ты чего? — Цзян Цзи стоял так близко, что от него едва уловимо тянуло дорогим мужским парфюмом — свежим, ненавязчивым.

Этот запах сбивал с толку — Лу Синъянь ощутил, как внутри всё поплыло. Он выдавил из себя:

— Да ничего я.

Самому смешно — ещё минуту назад строил из себя грозу, а теперь выглядел как щенок, который сам лез — а теперь пятится. Вся эта «поза хозяина» с рукой на стене обернулась против него самого. Цзян Цзи шагнул ещё ближе — Лу Синъянь машинально отступил, напрягся так, что напрочь забыл про весь свой «великий план».

Внутри он быстро решил: ага, запугивает. Мол, молчи и никому не трепись.

Запугивает? Чёрт его знает! Откуда избалованному прямому парню понимать, как тут всё устроено?

Но сдаваться он не собирался. Чтобы не выглядеть загнанным, тут же вскинул на него холодный взгляд и выдал:

— У тебя есть парень?

— А тебе какое дело? — Цзян Цзи спокойно ушёл от прямого ответа.

— Да плевать мне, — Лу Синъянь фыркнул. — Просто не хочу, чтобы ты потом выкатил свой каминг-аут и устроил тут шоу с фейерверками.

— Расслабься. Парня у меня нет. — Цзян Цзи посмотрел прямо ему в глаза и двинулся к двери:
— Отойди, мне пора.

Лу Синъянь замер. Но с места не двинулся.

В голове у него гулко пусто. Он точно помнил, что сейчас должен сказать что-то остроумное или хотя бы значительное — но слова не приходили. Цзян Цзи уже смотрел на него так же ровно и холодно, как всегда — будто никакого «секрета» и не было.

Лу Синъянь зацепился за первое, что вылетело:

— Ты не думай... я вообще не против геев.

Цзян Цзи приподнял бровь, уголок рта дёрнулся:

— Ну... какой ты добрый. Мне теперь спасибо сказать или поплодировать?

Лу Синъянь: «...»

Что-то явно пошло не по плану.

В его идеальной голове всё было красиво: он заходит, говорит «Я слышал твой звонок» — и Цзян Цзи замирает, глаза бегают, руки дрожат. Лу Синъянь подходит, сочувственно кладёт руку на плечо, шепчет: «Не бойся, брат, твой секрет в безопасности...» — и понеслось: ночные разговоры, тайные взгляды, доверие, слабости. Всё! Попался!

А на деле он вот стоит, распластавшись у стены, как идиот — рука поднята, взгляд полуживой, герой великого плана.

Но почему всё пошло не по сценарию?! Цзян Цзи не испугался, не занервничал — да он вообще смотрел так, будто ему плевать.

Хотя если подумать — это же Цзян Цзи. Логично. Но Лу Синъяню от этого было не легче — злость всё равно распирала изнутри.

Упираться дальше смысла не было. Он только проводил взглядом, как Цзян Цзи спокойно вышел из дома, сел в машину и укатил. Скорее всего, опять припрётся под ночь — как всегда.

Он что, и правда такой занятой? Лу Синъянь недоверчиво прищурился. Может, это прикрытие для каких-то мутных дел? Хм. В его голове быстро закрутились новые подозрения — и от этого настроение не улучшилось.

С этим кислым лицом он поплёлся к себе и буркнул домработнице, чтобы та приготовила ему хоть что-то перекусить.

Жуя бутерброд, Лу Синъянь никак не мог выкинуть из головы один и тот же вопрос: чем этот Цзян Цзи вечно занят?

Ладно, бизнесмен. Четыре года назад, ещё не доучившись, Цзян Цзи вдруг открыл своё дело. Тогда он был на последнем курсе, Лу Синъянь — на первом. Учились они на одном факультете — оба по компьютерным технологиям.

Когда Лу Синъянь выбирал, куда поступать, ему было плевать, нравится ли ему эта чёртова информатика или нет. Главное — Цзян Цзи учится там? Значит, и он пойдёт туда же. Вот и вся мотивация.

Вообще-то отец, Лу Юн, хотел отправить сына учиться за границу. Но Лу Синъянь встал в позу: мол, далеко, скучно одному в чужой стране, да и тут универов хватает.

Потом Лу Синъянь узнал, что Цзян Цзи когда-то тоже мог уехать учиться за границу. Только причина отказа была другая: не хотел тратить на это семейные деньги. Всё правильно, идеальный.

Лу Синъянь прекрасно понимал, что у того на уме.

В своё время Лу Синъянь был ещё мал и протестовал против мачехи просто потому, что не хотел нового расклада в семье — злился, ревновал, а о чём-то большем даже не думал.

Но вокруг всегда находились «доброжелатели», которые шептались: мол, мачеха — хитрая женщина, умеет устраивать жизнь. Говорили, красивая, сметливая, с сыном-прицепом подцепила богатого мужика — и всё, теперь будет сидеть при деньгах, а заодно и сыну что-то перепадёт. Живи и радуйся.

Лу Синъянь тогда только хлопал глазами. Для него Цзян Вань не была похожа на «махинатора» — наоборот, тихая, мягкая, даже слишком. Вечно извинялась и старалась всем угодить.

А люди лишь отмахивались: мол, мал ещё ты, не разбираешься во взрослых делах.

Такие же сплетни доходили и до Цзян Цзи. Лу Синъянь однажды услышал, что Цзян Цзи в школе влез в драку. Причина простая — кто-то в лицо наговорил гадостей про его мать. Парень, с которым он сцепился, был соседом — видимо, наслышался дома всяких слухов.

В тот день Цзян Цзи вернулся домой с рассечённой скулой и прямо в коридоре столкнулся с Лу Синъянем.

— Эй, ты чего так? — окликнул он.

Цзян Цзи посмотрел на него холодно, ничего не сказал и молча обошёл стороной, поднялся наверх.

Лу Синъянь остался стоять с кислым лицом — вроде хотел как лучше, а в итоге получил полное игнорирование. И обидно, и злился. Разузнав, что случилось, он сорвался и пошёл искать того самого парня. Взял с собой Сун Чэна — вдвоём и проучили.

Сам Лу Синъянь считал, что помогал не Цзян Цзи, а себе — просто злость нужно было куда-то деть, вот и всё.

После драки Лу Синъянь ещё вернулся домой, раздувшись от гордости, и начал выёживаться перед Цзян Цзи:

— Ну ты даёшь! Сам вон с синяком ходишь, а я этого типа один уложил! Бестолковый ты, братец.

Позже Сун Чэн спросил:

— Ну и что, он хоть спасибо сказал?

— Спасибо? Щас! — фыркнул Лу Синъянь. — Лицо каменное сделал — даже не посмотрел на меня.

В итоге он ещё и поплатился — родители того парня пришли жаловаться, Лу Синъяня наказали: лишили карманных денег на три месяца. Обидно.

Хотя после той истории сплетники резко поутихли. Так что выгода всё-таки была.

Лу Синъянь быстро про это забыл. Зато Цзян Цзи запомнил надолго — и сделал выводы. Он рано начал подрабатывать и старался по максимуму не тратить деньги отца. Даже дорогие шмотки, которые дарил Лу Юн, почти не носил — чтобы никто не лез с разговорами и не цеплялся к матери.

Тогда Цзян Цзи был подростком — резкий, прямой, как нож. Про такт и не мечтал. Иногда эта

его показная независимость ставила Лу Юна в неловкое положение — дома из-за этого бывало натянуто.

Потом Цзян Цзи поступил в университет, прошёл обкатку жизнью и стал сдержаннее. Если что-то ему доставалось от семьи — принимал, но всегда приносил что-то взамен, а большую часть времени жил в общежитии. Домой заглядывал редко.

Это были самые скучные три года Лу Синъяня. Пока он сам не поступил в тот же универ — и не стал тем самым «младшим братом» Цзян Цзи.

В мечтах Лу Синъянь собирался стать местной легендой — превзойти Цзян Цзи во всём, затмить, переплюнуть, стереть с пьедестала. Но реальность оказалась жестче: едва он пришёл, на него тут же повесили табличку «младший брат Цзян Цзи». Нашлись даже гении, которые совали ему любовные записки с просьбой передать их «идеалу».

Лу Синъянь тогда просто рвал и метал.

Хотя записки — это ещё ладно. В универе всё быстро стало проще: народ просто шёл напрямую — добавляли Цзян Цзи в WeChat и не парились.

До сих пор в телефоне Лу Синъяня есть отдельная папка с контактами «Те, кто клеится к Цзян Цзи». Все в черном списке.

К нему самому, конечно, тоже был интерес — Лу Синъянь выглядел чертовски привлекательно. Но, как говорил Сун Чэн: «Любить Лу Синъяня — это иметь какой-то особый фетиш. Иначе кто ещё вытерпит человека, который изо дня в день талдычит: “Мой брат, мой брат, мой брат”... и не заткнётся?»

Однажды одна смелая девушка попала в «жертвы» — повелась на внешность Лу Синъяня и сама пригласила его на кофе.

А всё потому, что накануне Лу Синъянь сцепился с Цзян Цзи из-за какой-то ерунды. Потом целых два часа вываливал всё Сун Чэну — тот не выдержал и временно его заблокировал.

Оставшись без ушей для жалоб, Лу Синъянь согласился встретиться с той девушкой. И прямо в кафе устроил целый спич на тему: «Знаешь, кого я больше всего на свете ненавижу? Цзян Цзи!»

Девушка вышла оттуда с лёгким головокружением и твёрдым решением больше никогда не связываться с мужчинами вообще. Лу Синъяня из контактов она удалила мгновенно.

Цзян Цзи, скорее всего, об этом эпизоде даже понятия не имел. Тогда у него всё время съедала учёба и запуск собственного дела — на Лу Синъяня оставалось разве что крохи внимания.

Но и этих крох хватало: каждый раз, как встречались, Лу Синъянь всё равно умудрялся зацепиться хоть за что-нибудь. Без повода — тоже годилось.

Потом Цзян Цзи выпустился, ушёл с головой в бизнес и стал ещё более недосыгаемым. Что там у него внутри компании, Лу Синъянь толком не знал — сам Цзян Цзи не рассказывал, а он и не собирался лезть с расспросами. Знал одно: денег тот явно поднимает немало. Видно по виду — деловой, собранный, уверенный, вокруг молодняк с амбициями крутится. Всё, как полагается идеалу.

А Лу Синъянь... посмотрел на свой недоеденный ужин, криво скривился, отодвинул тарелку и включил ноутбук.

Диплом он ещё дописывал. Работу не искал — сам не знал, чего хочет. Впрочем, мог бы вообще ничего не делать: пойти к Лу Юну, как Сун Чэн, и тихонько кататься на родительских деньгах. Но стоило вспомнить Цзян Цзи — и лежать без дела уже не получалось.

К слову, сейчас Лу Синъянь зарабатывал стримами — вёл прямые эфиры, играл в игры. Подписчики были, деньги шли.

Все в семье это знали — и Цзян Цзи тоже. Но никто ничего не говорил, только кивали: мол, развлекайся, детка. Не свобода это была и не уважение — просто всем лень было влезать.

Только Сун Чэн однажды буркнул:

— Ну ты даёшь. Сейчас стример круче, чем поп-звезда. Бабки лопатой гребь!

Лу Синъянь только скривился в ответ.

Играть он любил — но сам считал: это не профессия. Ну потому что... ну кто угодно — а он-то знал, с кем себя сравнивать. С Цзян Цзи.

Цзян Цзи, Цзян Цзи, Цзян Цзи.

Вездесущий, бесконечный, идеальный — главный виновник всех его нервов. Вот кто превратил его жизнь в вечное доказательство, что он «хуже».

— Сколько можно! — Лу Синъянь опустил лбом на стол и начал бездумно тыкать пальцами по клавиатуре. Мысли путались, а в носу будто снова закрутился тот самый тонкий аромат — парфюм Цзян Цзи, нарочно ведь.

Хватит ныть, — решил Лу Синъянь и втянул голову в плечи. Нужно действовать. План должен работать. Всё с чего-то начинается — главное, сделать первый шаг.

Он резко вскочил, схватил телефон — и впервые в жизни сам написал Цзян Цзи. Причём ещё и тон сменил — аж противно.

«Старший, — Лу Синъянь заставил себя напечатать, — у меня загвоздка с дипломом. Можно я приеду в твою компанию — ты поможешь?»

Для надёжности он ещё и стикер прикрепил — с щенком, который жалобно просит обнимашек. Настоящее самоунижение. Но ради великого плана можно и так...

Отправил. И тут же уставился на экран, как заведённый, отсчитывая секунды.

Прошло две минуты.

Цзян Цзи: «Тебя взломали?»

<http://bllate.org/book/12484/1111987>